

A detailed illustration of a futuristic Martian city. The city is built into a deep, reddish-brown canyon. The buildings are multi-tiered and feature complex, metallic, and industrial designs, with many windows and pipes. In the foreground, a person in a full, dark spacesuit with a helmet and a backpack is walking away from the viewer down a dirt path. The sky is a pale, hazy blue. The overall scene is one of a advanced, yet somewhat desolate, alien civilization.

Александр Восьмой

**QUAKE: Марс в огне
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

QUAKE: Марс в огне
(Даффи Толстяк)

«Автор»

2026

Восьмой А.

QUAKE: Марс в огне (Даффи Толстяк) / А. Восьмой — «Автор»,
2026

На Марсе остатки человеческого гарнизона держат оборону против бесконечных волн Строггов. Каждый коридор базы — ловушка, каждый угол — источник ужаса. Главный герой — сержант, который должен любой ценой удержать ключевой узел связи, пока не прибудет подкрепление, которого, возможно, уже не существует. Атмосфера безысходности, клаустрофобия и постоянная угроза превращения в биомеханического раба Строггов.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

QUAKE: Марс в огне (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Красная пыль, чёрный сигнал»

Тишина на «Гефесте-7» была не той спокойной тишиной, которая бывает на отдалённых базах, когда ночь накрывает марсианские пустоши. Это была тишина, наполненная напряжением, будто сама станция затаила дыхание. Сержант Кайл Рейн стоял у командного пульта, вглядываясь в мерцающие строки отчётов, и чувствовал, как по спине ползёт холодок, не имеющий ничего общего с кондиционированным воздухом базы.

Связь с Землёй оборвалась ровно в 03:17 по марсианскому времени. Не просто пропала — исчезла, как будто кто-то выдернул кабель из разъёма, но без единого предупреждения, без помех, без треска статики. Просто — ноль. Пустота. И в этой пустоте было что-то пугающее, словно космос сам отвернулся от них.

— Сержант, — голос техника Лиры Чен прозвучал в наушнике чуть хрипло, будто пробиваясь сквозь помехи, которых не было. — Датчики в нижних секторах фиксируют аномальные всплески энергии. Не похоже на обычные скачки. Частота... странная. Почти ритмичная. Как сердцебиение.

Рейн сжал кулаки, костяшки побелели на фоне грубой ткани перчаток. Он не любил, когда техника начинала говорить метафорами. Но сейчас даже сухие цифры не могли скрыть того, что происходило.

— Что по патрулю в секторе «Дельта»? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без намёка на тревогу.

Пауза. Слишком долгая.

— Нет ответа, — наконец произнесла Лира. — Ни на основной, ни на резервный канал. Последний сигнал был... — она запнулась, будто проверяя данные ещё раз, — три минуты назад. Короткая передача: «Что-то в вентиляции...» И всё.

«Что-то в вентиляции». Эти слова повисли в воздухе, тяжёлые, как куски свинца. На «Гефесте» вентиляция была везде: в стенах, в потолке, в полу. Бесконечные лабиринты труб, по которым гулял холодный воздух, теперь казались не инженерной необходимостью, а сетью тайных ходов для чего-то, что не должно было здесь быть.

Рейн бросил взгляд на экран, где крутилась карта базы. Сектор «Дельта» — дальние склады, редко посещаемые, тёмные, с редкими камерами наблюдения. Идеальное место, чтобы пропасть.

— Отправляю группу, — коротко бросил он. — Пусть возьмут всё, что может светить в темноте. И... — он на секунду замялся, — пусть держат оружие наготове.

Лира не ответила сразу. Он почти видел, как она закусьивает губу, как делает глубокий вдох, прежде чем заговорить.

— Сержант... — её голос дрогнул. — В коридорах... оседает какая-то пыль. Чёрная. Я только что заметила на камерах. Она не просто лежит — она... движется. Как будто течёт.

Рейн резко развернулся, уставившись на один из мониторов. На нём мелькали кадры с камер наблюдения: пустые коридоры, тусклый свет аварийных ламп, и повсюду — тонкий слой чёрной пыли, похожий на пепел, но слишком густой, слишком вязкий. Он видел, как она медленно сползает по стенам, собирается в лужицы на полу, а потом... будто втягивается в щели, в стыки панелей, в вентиляционные решётки.

И самое страшное — на металле, где оседала эта пыль, оставались тёмные пятна, похожие на ожоги. Коррозия. Быстрая, агрессивная, будто материал разъедало изнутри.

— Это не пыль, — прошептал Рейн, хотя никто не мог его услышать. — Это... что-то живое.

Группа, отправленная в сектор «Дельта», вышла на связь через пять минут. Голос командира отряда, сержанта Харриса, звучал напряжённо, но спокойно — слишком спокойно, как будто он пытался убедить себя, что всё в порядке.

— Дошли до складов, — доложил он. — Здесь... странно. Воздух тяжёлый. И эта пыль... она везде. Мы видим следы. Не человеческие.

На экране появилось изображение с камеры Харриса: тёмный коридор, свет фонаря выхватывает из темноты ржавые стены, а на полу — цепочки следов. Не ботинки, не сапоги. Что-то угловатое, с острыми краями, будто оставленное металлическими когтями. И между следами — капли той самой чёрной субстанции, которая уже покрывала стены.

— Двигаемся дальше, — сказал Харрис. — Надо проверить...

Его фраза оборвалась на полуслове. Вместо голоса — резкий, пронзительный звук, похожий на скрежет металла по стеклу, а потом — крик. Короткий, отчаянный, оборванный так же внезапно, как и связь.

На мониторе картинка замерла, а потом пошла помехами. Когда изображение прояснилось, коридор был пуст. Только следы на полу вели дальше, в темноту, и чёрная пыль медленно стекала по стенам, будто плакала.

Рейн почувствовал, как холод пробирается под броню, сковывая мышцы. Он знал, что это значит. Он видел отчёты, читал истории о Строгах — о том, как они приходят, как захватывают, как перестраивают всё, к чему прикасаются. Но видеть это своими глазами, здесь, на «Гефесте», было совсем другим.

— Лира, — тихо произнёс он, хотя в голосе уже не было спокойствия. — Подними тревогу. Все посты — в боевую готовность. И... найди мне всё, что у нас есть по Строгам. Даже то, что считалось теориями заговора.

Она не ответила сразу. Когда её голос снова прозвучал в наушнике, в нём слышался страх, который она пыталась скрыть:

— Уже ищут, сержант. Но... кажется, мы опоздали.

В этот момент по всей базе одновременно погасли огни. На секунду наступила полная темнота, густая, как чернила, и в этой темноте Рейн услышал звук, который никогда не забудет: тихий, ритмичный стук, доносящийся из вентиляции. Будто кто-то отсчитывал секунды до неизбежного.

А потом свет вернулся — тусклый, красный, аварийный. И на всех экранах, вместо привычных отчётов и карт, появилась одна и та же надпись, выведенная грубым, угловатым шрифтом:

«ВЫ УЖЕ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ».

Рейн смотрел на эти слова, и его сердце билось где-то в горле. Он понимал: это не разведка. Это не случайное вторжение. Это начало конца. И если они не удержат базу, если не найдут способ остановить это, то «Гефест-7» станет не просто руинами на Марсе — он станет частью чего-то гораздо более страшного.

Глава 2. «Коридоры, что шепчут»

Центральный узел связи «Гефеста-7» никогда не задумывался как крепость. Это был мозг базы: ряды мерцающих панелей, гул серверов, запах перегретого пластика и озона. Сейчас он стал последней линией обороны — тесной, душной, наполненной страхом, который висел в воздухе гуще марсианской пыли.

Сержант Кайл Рейн стоял у главной консоли, вцепившись пальцами в край стола так, что суставы побелели. Его взгляд метался между экранами: на одних — пустые коридоры, на других — мигающие предупреждения о падении давления, на третьих — строки кода, которые

Ли́ра Чен пыталась расшифровать. Её пальцы летали по клавиатуре, но она то и дело вздрагивала от каждого звука — а звуков было слишком много.

Вентиляция стонала. Не просто шумела, как положено трубам, перекачивающим воздух, а именно стонала — протяжно, с надрывом, будто в шахтах кто-то кричал, но голос был искажён и раздавлен металлом. Иногда к этому стону добавлялся ритмичный стук — глухой, размеренный, как сердцебиение чего-то огромного. И каждый раз, когда он звучал, у Рейна сжималось сердце.

— Давление падает в секторе «Гамма», — тихо, почти шёпотом, произнесла Ли́ра, не отрывая глаз от экрана. — И в «Бете». И в «Альфe». По цепочке. Как будто кто-то... перекрывает клапаны. Один за другим.

Рейн сглотнул. Он знал, что это значит. Без кислорода даже самая крепкая броня не спасёт.

— Это не просто отключение, — пробормотал он. — Это... осада. Они не пытаются нас убить сразу. Они отрезают. Сектор за сектором.

Ли́ра наконец подняла глаза. В её взгляде читался не просто страх — в нём была паника, которую она отчаянно пыталась подавить.

— Я нашла кое-что в архиве, — сказала она, голос дрогнул. — Старый отчёт. Проект «Био-Синтез». Его засекретили ещё до моего перевода сюда. Там говорится... — она запнулась, будто сама не хотела произносить эти слова, — что Строгги не просто захватывают территории. Они... перестраивают материю. Превращают стены, пол, потолок — всё — в часть своей сети. В живую ткань.

Рейн почувствовал, как по спине пробежал ледяной озноб. Он вспомнил чёрную пыль, которая текла по стенам, как кровь. Вспомнил следы на полу, острые, как когти. И вдруг ему показалось, что сама база дышит. Что каждый скрип, каждый стук — это не поломка, а... движение.

— Значит, стены — это уже не стены, — глухо произнёс он. — Они... живые.

Ли́ра кивнула, и в этот момент один из экранов погас. Потом ещё один. И ещё. В узле связи стало темнее, и тени, которые и так казались слишком густыми, будто стали плотнее, тяжелее.

— Система отключает резервные контуры, — прошептала Ли́ра, пальцы снова забегали по клавишам. — Я пытаюсь перехватить управление, но... она сопротивляется. Как будто... знает, что я делаю.

Рейн резко обернулся к двери, ведущей в коридор. Там, в полумраке, мелькнул силуэт. Высокий, угловатый, с неестественно прямыми линиями. Он исчез так же быстро, как появился, но сержант успел заметить блеск металла и что-то тёмное, пульсирующее на груди фигуры.

Строгг.

— Они здесь, — прошептал он, хватаясь за оружие. — Внутри базы.

В этот момент вентиляция издала особенно громкий стон, и из решётки на потолке посыпалась та самая чёрная пыль. Она оседала на панелях, на полу, на плечах Лиры, и там, где она касалась металла, появлялись тёмные пятна — как ожоги.

— Надо изолировать узел, — резко сказал Рейн. — Закрывать все переходы. Если они могут... менять структуру базы, мы не можем позволить им проникнуть сюда.

Ли́ра кивнула, но её руки дрожали. Она ввела команду, и где-то в глубине станции загудели тяжёлые двери, отрезая узел связи от остального мира. Но стоило им закрыться, как в коридоре за ними раздался звук — не стук, не скрежет, а... шёпот. Тихий, неразборчивый, будто сотни голосов говорили одновременно, но ни одно слово нельзя было уловить.

— Ты слышишь? — прошептала Ли́ра, прижимаясь к консоли. — Они... говорят.

Рейн прислушался. И да, он слышал. Шёпот просачивался сквозь стены, сквозь вентиляцию, сквозь стыки панелей. Он был везде. И в нём не было слов — только ощущение угрозы, холодное и безжалостное, как марсианский ветер.

— Это не голоса, — наконец произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Это... помехи. Или... — он запнулся, не желая произносить это вслух, — сама база. Она... говорит с нами.

Лира посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Что нам делать, сержант? — спросила она, и в её голосе была не просто просьба о приказе — в нём была мольба о надежде.

Рейн сжал кулаки. Он знал, что подкрепления не будет. Знал, что каждый сектор, который они теряют, приближает их к концу. Но узел связи — это их единственный шанс. Если они смогут удержать его, если смогут передать хоть одно сообщение...

— Мы держимся, — твёрдо сказал он. — Любой ценой. Пока есть воздух. Пока есть силы. Пока... — он на секунду замолчал, глядя на мерцающие экраны, — пока мы ещё люди.

В этот момент один из мониторов снова ожил. На нём появилась та же надпись, что и раньше: **«ВЫ УЖЕ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ»**. Но теперь под ней появилась новая строка: **«СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕСПОЛЕЗНО»**.

И шёпот в коридорах стал громче.

Глава 3. «Код „Последний рубеж“»

В центральном узле связи время будто застыло, спрессованное в короткие, рваные вдохи и щёлканье клавиш. Воздух стал густым, тяжёлым — не только из-за падающего давления, но и из-за напряжения, которое висело между Рейном и Лирой, как электрический разряд перед грозой.

Рейн стоял у консоли, пальцы замерли над сенсорной панелью. Перед ним висел список протоколов — сухие строчки команд, каждая из которых могла стать приговором. Он знал, что делает. Знал, что обратного пути не будет.

— Активирую протокол «Последний рубеж», — произнёс он вслух, будто заставляя себя поверить в собственные слова. — Полная изоляция ключевых секторов. Блокировка всех внутренних переходов.

Лира резко подняла голову, её глаза расширились.

— Сержант, если мы это сделаем... — она запнулась, голос дрогнул, — мыотрежем не только их. Мыотрежем и тех, кто ещё может быть жив.

Рейн на секунду закрыл глаза. Он слышал это — крики, доносившиеся из заблокированных коридоров. Короткие, отчаянные, будто кто-то звал на помощь сквозь толщу металла и времени. Но каждый открытый переход был дорогой для Строггов. Каждый незапертый шлюз — возможностью для врага проникнуть глубже, к сердцу базы.

— Мы не можем рисковать узлом, — твёрдо сказал он, открывая глаза. — Если они доберутся сюда, всё будет кончено.

Он коснулся панели. Где-то в недрах «Гефеста-7» загудели тяжёлые механизмы: бронированные двери, спроектированные для сдерживания разгерметизации, начали опускаться, отрезая сектор за сектором. Звук был низким, вибрирующим, проникающим в кости. С каждым ударом гидравлики казалось, что сама база вздыхает — тяжело, обречённо.

И в тот момент, когда последняя дверь встала на место, отрезав их от остального комплекса, из динамиков вырвался крик — резкий, пронзительный, оборванный так же внезапно, как и связь.

Рейн замер, пальцы впились в край консоли. Он знал этот голос. Это был голос рядового Торреса — молодого парня, который всего неделю назад шутил, что на Марсе даже кофе вкус-

нее, потому что гравитация другая. Теперь этот голос оборвался в темноте, за стеной, которую они сами только что возвели.

— Нет... — прошептала Лира, прижимая ладонь ко рту. — Мы... мы заперли его там.

— Я знаю, — глухо ответил Рейн. — Но если бы мы не сделали этого, они были бы здесь.

Тишина, наступившая после гула механизмов, была хуже любого шума. Она давила, сжимала грудь, заставляла слышать собственное сердце, бившееся где-то в горле. И в этой тишине снова появился шёпот — тихий, вкрадчивый, просачивающийся сквозь стены, будто сама база шептала им о том, что они сделали.

Лира отвернулась к своим экранам, пальцы снова забегали по клавишам. Она пыталась найти хоть что-то — любой сигнал, любую искру жизни в отрезанных секторах. Но экраны показывали только мигающие предупреждения и строки кода, которые становились всё более странными, всё более чужими.

— Смотри, — вдруг сказала она, указывая на один из мониторов. — Эта последовательность... она повторяется. Везде. В каждом секторе. Как будто... как будто это команда.

На экране бежали строки — бессмысленный набор символов для обычного человека, но для Лире это был язык, который она знала лучше родного. И в этом языке было что-то неправильное. Что-то, чего не должно было быть.

— Это не стандартный протокол, — пробормотала она, приближая изображение. — Это... похоже на активацию. Как будто кто-то... или что-то... пытается запустить что-то внутри системы.

Рейн наклонился ближе, вглядываясь в строки. Они казались живыми — символы мерцали, будто пульсировали в такт невидимому ритму.

— Что это может быть? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё сжималось от дурного предчувствия.

Лира покачала головой, её пальцы замерли.

— Не знаю. Но... мне кажется, база сама становится оружием. Строгги не просто захватывают её — они... перепрограммируют. Делают её частью себя.

Она сделала глубокий вдох и снова коснулась клавиш. На этот раз она не пыталась просто читать код — она пыталась взаимодействовать с ним. Ввести команду, которая могла бы остановить эту странную последовательность.

— Если я права, — тихо сказала она, — то каждый сектор, который мы изолировали, может стать... ловушкой. Или... чем-то хуже.

Её пальцы замерли над клавишами. Она посмотрела на Рейна, в её глазах читался вопрос, на который ни у кого не было ответа.

— Ты уверена? — спросил он, хотя уже знал ответ.

Лира кивнула, сжала губы и ввела команду.

На мгновение экраны погасли. Полная темнота накрыла узел связи, и в этой темноте Рейн услышал, как вентиляция снова застонала — протяжно, мучительно, будто в шахтах кто-то кричал от боли.

А потом свет вернулся. Но теперь на всех мониторах была не просто последовательность кода. Теперь там было сообщение.

«ВЫ СПРАШИВАЕТЕ. Я ОТВЕЧАЮ.»

Лира отшатнулась, словно от удара. Её пальцы соскользнули с клавиатуры, и она уставилась на экран, не веря своим глазам.

— Оно... оно ответило, — прошептала она, голос дрожал. — Система... она живая.

Рейн почувствовал, как холод сковывает мышцы. Он смотрел на эти слова, выведенные грубым, угловатым шрифтом, и понимал: они не просто сражались с врагом, который пришёл извне. Они сражались с чем-то, что уже было здесь. С чем-то, что ждало.

— Отмени всё, — резко сказал он. — Убери команду. Закрой доступ.

Ли́ра снова бросилась к клавиатуре, пальцы летали, вводя команды, пытаясь вернуть контроль над системой. Но с каждым нажатием экраны реагировали всё медленнее, будто сопротивлялись. Будто не хотели отпустить то, что уже захватили.

— Не получается, — прошептала она, её голос сорвался на всхлип. — Я... я не могу... оно не даёт.

В этот момент один из экранов переключился на камеру в секторе «Дельта» — том самом, где пропал патруль. Изображение было искажено помехами, но Рейн узнал это место. И то, что он увидел, заставило его кровь застыть в жилах.

Коридор изменился. Стены, которые раньше были гладкими металлическими панелями, теперь покрывала странная биомасса — тёмная, пульсирующая, с прожилками, похожими на вены. Из стыков панелей сочилась чёрная жидкость, стекая по полу, собираясь в лужицы, которые медленно двигались, будто живые.

А в центре коридора стояло нечто. Высокий, угловатый силуэт, в котором ещё можно было узнать остатки человеческой формы, но теперь он был перестроен, переделан, превращён в нечто иное. Броня слилась с плотью, металл сросся с костями, а в груди существа пульсировал тёмный кристалл, излучающий тусклый свет.

Это был Строгг. Но не просто солдат. Это был... командир. И он смотрел прямо в камеру.

— Они уже внутри, — прошептал Рейн, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Они уже везде.

Ли́ра подняла на него глаза, полные ужаса и отчаяния.

— Что нам делать, сержант? — спросила она, и в её голосе не было ни капли надежды.

Рейн сжал кулаки, костяшки побелели. Он знал, что подкрепления не будет. Знал, что каждый сектор, который они теряют, приближает их к концу. Но узел связи — это их единственный шанс. Если они смогут удержать его, если смогут передать хоть одно сообщение...

— Мы держимся, — твёрдо сказал он, глядя прямо перед собой, будто бросая вызов самой базе, самому космосу. — Любой ценой. Пока есть воздух. Пока есть силы. Пока... — он на секунду замолчал, глядя на мерцающие экраны, — пока мы ещё люди.

В этот момент система снова подала голос. На всех мониторах появилась новая строка:

«ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ОСТАНОВИТЬ ТО, ЧТО УЖЕ НАЧАЛОСЬ».

И шёпот в коридорах стал громче, ближе, будто сам «Гефест-7» смеялся над их попытками сопротивляться.

Глава 4. «Тени в вентиляции»

На Марсе не бывает настоящей ночи — только долгая, беспросветная тень, падающая на ржаво-красные пустоши, когда солнце прячется за горизонтом. Но здесь, в недрах «Гефеста-7», ночь наступила раньше. Аварийное освещение мигало, выхватывая из темноты лишь фрагменты реальности: угол консоли, бледное лицо Ли́ры, дрожащие руки рядового Коула, сжимавшие винтовку так, будто от этого зависела его жизнь.

А она, возможно, и зависела.

Рейн стоял у входа в узел связи, прислушиваясь к звукам, которые не должны были существовать. Вентиляция больше не гудела — она шептала. Из шахт доносились тихие, царапающие звуки, будто тысячи когтей скребли по металлу, прокладывая себе путь сквозь стены. И эти звуки становились ближе.

— Сержант, — голос Ли́ры дрожал, но она старалась говорить чётко, как будто сама дисциплина речи могла удержать панику на расстоянии. — Я зафиксировала всплески электромагнитной активности. Короткие импульсы. Они идут волнами. И каждый раз... после них что-то отключается.

Рейн кивнул, не отрывая взгляда от тёмного проёма коридора. Он уже видел, к чему это ведёт. Первая волна отключений затронула внешние сенсоры, потом — системы связи, затем

— автоматические турели. Теперь он чувствовал, как слабеет броня его собственного костюма: индикаторы мерцали, датчики давали сбои, а система жизнеобеспечения выдавала ошибки, которые Лира не успевала расшифровывать.

— Значит, это не случайность, — глухо произнёс он. — Они бьют целенаправленно. Выключают нас по частям.

Ли́ра кивнула, её пальцы снова забегали по клавиатуре, пытаясь удержать систему на плаву. Но каждый раз, когда она восстанавливала один контур, другой гас, словно база сопротивлялась её попыткам вернуть контроль.

В этот момент рядовой Коул вздрогнул. Его глаза расширились, взгляд застыл на решётке пола прямо у его ног.

— Вы слышали? — прошептал он, голос сорвался на хрип. — Там... внизу. Что-то шевелится.

Все замерли. В узле связи наступила тишина — та самая, что бывает перед бурей, когда даже дыхание кажется слишком громким. И в этой тишине раздался звук: тихий, ритмичный стук, доносящийся из-под пола. Будто кто-то отсчитывал секунды до неизбежного.

Тук. Тук. Тук.

Коул сделал шаг назад, но было поздно. Решётка под его ногой вдруг дрогнула, а потом резко распахнулась, будто её кто-то дёрнул изнутри. Из отверстия вырвалась тень — юркая, угловатая, покрытая хитиновыми пластинами, которые поблёскивали в тусклом свете. Она двигалась неестественно быстро, изгибаясь под невозможными углами, и в тот момент, когда Коул попытался закричать, она рванулась вперёд, обвивая его ноги, затягивая вниз.

— Нет! — Рейн бросился вперёд, хватая бойца за руку, но хватка тени была железной. Коул вцепился в край проёма, пальцы скользили по металлу, ногти скребли по стали, оставляя царапины. Его глаза были полны ужаса, рот раскрыт в беззвучном крике.

И вдруг — рывок. Тень дёрнула сильнее, и Коул исчез в отверстии, как будто его никогда и не было. Только на краю решётки осталась капля крови, медленно стекающая вниз, смешиваясь с чёрной пылью, которая уже покрывала пол.

Рейн замер, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. Он смотрел на это место, где только что стоял человек, и понимал: враг не просто наступал — он проникал внутрь, используя саму структуру базы как оружие.

— Они в вентиляции, — тихо произнёс он, голос звучал чуждо, будто принадлежал кому-то другому. — И они знают каждый сантиметр этой станции.

Ли́ра подняла на него глаза, в них читался ужас, смешанный с решимостью.

— Электромагнитные импульсы, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Они не просто отключают системы. Они выводят из строя оружие. Винтовки, пистолеты — всё, что работает на электронике, становится бесполезным.

Рейн на секунду закрыл глаза. Он знал, что она права. Он чувствовал, как его собственная броня слабеет, как системы начинают сбивать. Оставалось только то, что не зависело от технологий.

— Собери всех, кто остался, — приказал он, открывая глаза и глядя прямо на Лиру. — Пусть берут холодное оружие. Ножи, ломы, всё, что может резать или ломать. И ручные детонаторы. Единственное, что пока остаётся надёжным — это то, что мы можем активировать вручную.

Ли́ра кивнула и бросилась к коммуникатору, но даже её голос, когда она начала передавать приказ, звучал странно — будто пробивался сквозь помехи, которых не должно было быть.

Тем временем звуки из вентиляции становились громче. Теперь это был не просто шёпот — это был хор из тысяч царапающих звуков, сливающихся в единый, нарастающий гул. Из решёток на потолке начала сочиться чёрная жидкость, стекая по стенам, собираясь в лужицы, которые медленно двигались, будто живые.

Один из бойцов, рядовой Мартинес, стоял у стены, прижимая к груди нож, как будто это могло его защитить. Его глаза бегали по комнате, пытаясь уловить движение в тенях.

— Я не хочу туда, — прошептал он, голос дрожал. — Не хочу идти по этим коридорам. Там... они везде.

Рейн подошёл к нему, положил руку на плечо. Хватка была твёрдой, почти болезненной, но в ней была попытка передать хоть каплю уверенности.

— Мы держимся вместе, — сказал он, глядя прямо в глаза Мартинесу. — Ни на шаг друг от друга. Если увидишь тень — бей. Без колебаний. Они не дают второго шанса.

Мартинес сглотнул, кивнул, но в его взгляде всё ещё читался страх.

В этот момент вентиляция издала особенно громкий стон, и из решётки на потолке вырвалась ещё одна тень. Она упала на пол с глухим стуком, изогнувшись, как насекомое, и тут же рванулась вперёд. Мартинес закричал, замахиваясь ножом, но тень двигалась слишком быстро. Она скользнула под его руку, вонзая когти в бок, и в тот же миг дёрнула его к себе, увлекая в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.